

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИНСТИТУТЫ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

ББК 66.3(2Рос),15

О. В. Рябов

«РОДИНА-МАТЬ» В СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Выделяются важнейшие аспекты проблемы использования образа Родины-матери в символической политике постсоветской России. Автор показывает, что материнский символ Родины включается в политику национальной идентичности, практики политической мобилизации, легитимацию и делегитимацию власти, во внешнеполитическую риторику, в демографическую и образовательную политику. Изучение данного символа представляется весьма перспективным для исследования символической политики в целом.

Ключевые слова: «Родина-мать», материнский символ, символическая политика, постсоветская Россия, национализм в России.

O. V. Riabov. The “Motherland” in the symbolic politics of the post-Soviet Russia

The article deals with the using of the symbol of the Motherland in the symbolic politics in the post-Soviet Russia. The author demonstrates that the maternal symbol of Russia is employed in the politics of the national identity, in the practices of political mobilization, in legitimation and delegitimation of power, in the rhetoric on the international relations, in politics on demography and education. This symbol serves as an important cultural and semiotic resource of power relations; political actors compete for their own interpretation of social reality with help of the “Motherland”, concurring for the right to represent her. The author points out that researching the using the maternal symbol of Russia is heuristic for studying the nature of symbolic politics in general.

Key words: the Motherland, the maternal symbol, symbolic politics, the post-Soviet Russia, Russian nationalism.

Женщина в российском обществе. 2015. № 3/4 (76/77). С. 78—95

© Рябов О. В., 2015

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00010 «Символ “Родина-мать” в символической политике современной России».

Рябов Олег Вячеславович — доктор философских наук, профессор кафедры философии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, riabov1@inbox.ru (Dr. Sc., Professor at the Department of Philosophy, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia).

Материнский образ Родины является одним из наиболее известных и древних символов России. Восходя к образу Матери-сырой земли — древнерусскому варианту Великой Богини-матери, он проходит в своем развитии ряд этапов, превращаясь в значимый элемент российской культуры, что отражается в литературе, философских концепциях и визуальной культуре. На распространенность образа Родины-матери указывает и тот факт, что он получает воплощение при помощи самых разнообразных способов визуализации: мы видим его в монументальной скульптуре и мелкой пластике, на плакате и карикатуре, на монетах и банкнотах, почтовых открытках и марках, в кинематографе и театральных постановках [Рябов, 2014b]. О значении, которое придается жителями России этому образу в наши дни, говорят данные соцопросов. Например, в ходе масштабного социологического исследования, проведенного в 2001 г. в Томской области, на вопрос «Какой монумент мог бы символизировать Россию?» (допускалось несколько вариантов ответа) наибольшее число респондентов (43,1 %) ответили — «Родина-мать»; далее шли ответы «Богородица» (13,6 %) и «Воин-освободитель» (12,5 %) [Фенько, 2002]. В 2015 г. всероссийский опрос, проведенный РОМИР, дал следующие результаты: на вопрос о том, с чем ассоциируется Родина, 26 % респондентов ответили — «с образом матери», 19 % — «с русской женщиной», а 11 % указали на образ с плаката И. Тоидзе «Родина-мать зовет!» [Образ Родины... , 2015].

Примечательно, что статус сакрального в глазах многих граждан РФ получает не только Родина, но и связанные с ней символы. Так, об этом свидетельствуют возмущенная реакция российского общества на включение в 2015 г. одним американским изданием статуи «Родина-мать зовет!», установленной на Мамаевом кургане, в число «самых абсурдных зданий советской эпохи» [Рябова, Романова, 2015] или протесты общественности, вызванные нередкими попытками использования образа с плаката Тоидзе в коммерческой рекламе. Символ «Родина-мать» включается в разные типы дискурса: национальный, этнический, военный, образовательный, демографический, гендерный [Рябов, 2007]; как его символический потенциал используется в политической сфере? Я постараюсь ответить на этот вопрос, опираясь на концепт символической политики, который становится все более популярным в отечественной политологии. В первой части статьи я охарактеризую символическую политику как форму политической деятельности; во второй — предметом анализа станут причины, цели, формы, механизмы и результаты использования исследуемого символа различными политическими акторами.

Символическая политика как форма политической деятельности

В 1960—70-х гг. американский политолог М. Эдельман опубликовал работы «Символическое использование политики» и «Политика как символическое действие», заложившие концептуальную основу для исследования символической политики [Edelman, 1964, 1971]. Об истории концепта символической политики см.: [Ишменев, 2011; Поцелуев, 2012; Сукало, 2014; Ефремова, 2014]. Сегодня данное понятие отличается многослойной смысловой структурой и интерпретационным разнообразием. В российской политологии существуют

две — достаточно различающиеся между собой — интерпретации символической политики¹. Первая из них, продолжая традицию, заложенную такими западными политологами, как М. Эдельман, У. Сарцинелли, Т. Майер, делает акцент на манипулятивном и имитационном характере данной формы политики². В подобной трактовке исследуемый феномен предстает как вид эрзац-политики, целью которой является сознательное навязывание властью определенного характера властных отношений в обществе.

Более адекватной целям исследования символа Родины-матери представляется вторая интерпретация символической политики, которая опирается на понимание символического, свойственное социологии П. Бурдьё. Французский социолог ввел понятие символического капитала, существующего наряду с экономическим, социальным и культурным, а также производные от него понятия символической власти, символического насилия и символической борьбы. *Символический капитал* понимается как «власть, предоставленная тем, кто получил достаточно признания, чтобы быть в состоянии внушать признание» [Бурдьё, 1994: 204]. Символический капитал лежит в основании *символической власти* как способности формировать или изменять категории восприятия и оценки социального мира, которые, в свою очередь, могут оказывать непосредственное влияние на его организацию. Согласно Бурдьё, те, у кого есть право речи и инструменты символического господства, сформировали и легитимировали свои версии мира; в частности, он рассматривает это на примере гендерного неравенства (маскулинистского доминирования), показывая, что в андроцентрической культуре господство мужчин не только производит женщин как символические объекты, но и сохраняет их в состоянии постоянной символической зависимости [Bourdieu, 2001: 63, 66] (см. подробнее: [Рябова, 2008: 87—89]). Ключевую роль в воспроизводстве социальных отношений господства играет *символическое насилие* как навязывание политическими акторами своих культурных и символических практик, внедрение в сознание граждан выгодной для себя иерархии норм и ценностей, которая со временем приобретает для массового сознания привычный, естественный характер. Поле символического производства есть микрокосм *символической борьбы* между политическими акторами за навязывание определения социального мира, в наибольшей мере отвечающего их интересам [Бурдьё, 2007: 87—96].

Опираясь на социологию Бурдьё, немецкий политолог А. Дернер интерпретирует символическую политику в качестве стратегического использования символического капитала как постоянной борьбы за «власть наречения»,

---

¹ Кроме того, часть отечественных и зарубежных исследователей исходят из понимания символической политики как создания, распространения и использования символов в политических целях (напр.: [Bjola, 2000: 3]); в российской науке для обозначения подобных процессов используется иногда термин «символьная политика» (напр.: [Капицын, 2014]).

² Так, С. Поцелуев интерпретирует символическую политику как «особый род политической коммуникации, нацеленной не на рациональное осмысление, а на внушение устойчивых смыслов посредством инсценирования визуальных эффектов» [Поцелуев, 1999: 62], а С. Сукало — как «технологии и практики контроля над сознанием масс посредством публичного дискурса» [Сукало, 2014: 6].

т. е. за возможность обязательного установления наименований, понятий и интерпретаций. Он подчеркивает, что политико-символический акт есть не столько псевдо- и эрзац-политика, сколько незаменимый способ политического управления (см.: [Поцелуев, 2012: 47]).

Еще более расширяет объем понятия О. Малинова, рассматривая символическую политику в качестве зонтичной категории, позволяющей исследовать под разными углами широкий спектр явлений, связанных с производством и обращением смыслов [Малинова, 2013: 115—116]. Она предлагает понимать под символической политикой деятельность политических акторов, направленную на производство и продвижение/навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих [Малинова, 2010: 8]. Исследовательница акцентирует внимание на том, что данная деятельность предполагает конкуренцию представлений, что требует изучения специфических механизмов, обуславливающих результаты такого взаимодействия: доминирование одних способов и маргинализацию других, а также трансформацию дискурсов под его влиянием [Малинова, 2012]. В отличие от первой трактовки здесь справедливо подчеркивается, что рассматривать символическую политику как форму манипулятивного воздействия элит на массы было бы упрощением: элиты, конструирующие смыслы, сами действуют в рамках социально разделяемых систем смыслов и, участвуя в их производстве и воспроизводстве, подчиняются их логике [Малинова, 2013: 13].

При таком понимании символическая политика, очевидно, представляет собой атрибут политики *per se*, будучи востребованной при всех политических режимах в каждую историческую эпоху. Однако в эпоху Модерности она получает дополнительный импульс развития, что связано с особенностями демократических способов легитимации власти, предполагающих постоянную коммуникацию по поводу объяснения и оправдания принятия политических решений [Малинова, 2010]. Фактором, существенно меняющим символическую политику сегодня, выступает глобализация: поскольку в наши дни информация служит главным фактором мгновенного формирования нового знания, то дискурсивные практики являются одним из важнейших инструментов власти [Сукало, 2014: 7].

Основным *актором* символической политики выступает государство: оно обладает возможностью навязывать поддерживаемые им способы интерпретации социальной реальности с помощью властного распределения ресурсов, правовой категоризации, придания символам особого статуса, возможности выступать от имени макрополитического сообщества на международной арене [Малинова, 2010: 9]. Среди других акторов — гражданское общество, политические партии, армия, церковь, неправительственные организации, разного рода экономические акторы, а также индивиды; в случае такого вида политики, как символическая, роль СМИ как политического актора становится особенно заметной. Заслуживает внимания понятие символических элит, к которым относят профессиональные группы и личностей, реализующих символический капитал как инструмент власти (журналисты, деятели культуры и искусства, ученые, лидеры общественных формирований, культурные референты, популярные блогеры) [Сукало, 2014: 6].

Символическая политика осуществляется на различных *уровнях*: региональном, национальном, мировом. Что касается последнего, то используется даже термин «символическая геополитика» (напр.: [Carrara, 1996]). Широкую известность получили труды, анализирующие различные формы вестцентризма, равно как и способы сопротивления культурной гегемонии Запада (Э. Саид, С. Холл, Х. Бхабха). Большое значение для исследования символической политики на мировом уровне имеют и работы, посвященные пропаганде периода холодной войны как пресловутой борьбе за «сердца и умы».

Символическая политика осуществляется в различных *направлениях* политики; в связи с этим возможно говорить о символической политике международных отношений, экономики, образования, безопасности и др.

Среди *форм* символической политики внимания заслуживает прежде всего само формирование повестки публичных дискуссий, определение их тематики. Иными словами, установление того, что именно имеет значение, а что нет. Далее, эффективной формой символической политики является категоризация³. Использование такой формы символической политики, как привлечение визуальных образов, приобретает особую эффективность сегодня, в условиях так называемого визуального/иконического поворота [Мохеу, 2008], связанного, в первую очередь, с развитием современных технических средств коммуникации, основанных на аудиовизуальных формах представления информации. Большое значение в ряду способов интерпретации реальности имеет ресемантизация, т. е. изменение значений от контекста к контексту, от практики к практике и от одной стадии практики к другой [Pedema, 2003: 41]⁴. В исследованиях феномена «изобретения традиций» была подчеркнута значимость учреждения праздников и установления памятников для легитимации такого вида сообщества, как национальное [Хобсбаум, 2000]⁵. Важной формой символической политики является политика памяти, предполагающая целенаправленную работу над интерпретацией коллективного прошлого, когда многие исторические факты переосмысливаются, реинтерпретируются, выдумываются или забываются [Поцелуев, 2012: 48]. Наконец, существенной составляющей символической политики выступает политика идентичности, которая представляет собой деятельность политических акторов, направленную на достижение социальным сообществом чувства целостности и тождественности; она включает

³ Так, в работах, посвященных исследованию социальных наук периода холодной войны, показано, что сами категории, которые использовались для описания реальности, являются идеологически нагруженными, выступая способом выгодной одной стороне (и невыгодной другой) интерпретации происходящих событий, — и поэтому вне контекста противостояния двух сверхдержав они не могут быть поняты адекватно (напр.: [Cold War... , 2012]).

⁴ О том, как политическими акторами подвергается ресемантизации символ Родины-матери, см.: [Смирнов, 2015]. Необходимо упомянуть и используемый С. Поцелуевым термин «семантическая политика», определяемый как «инсценирование смыслов и значений политических языковых символов», которое автор считает частью «символической политики сверху», т. е. ограничивает семантическую политику усилиями власти по собственной легитимации [Поцелуев, 1999: 70].

⁵ О роли праздников в символической политике подробнее см.: [Ефремова, 2014].

в себя практики, преследующие цель создания как образов гомогенных «своих», так и репрезентаций отличающихся от них «чужих» [Малинова, 2010].

Как можно понять из предыдущего изложения, акторы символической политики оперируют не только символами; в данном случае термин «символический» не связан с наиболее привычными интерпретациями символа. В то же время обратим внимание на те, достаточно традиционно выделяемые, характеристики символа, которые обеспечивают ему особую роль в символической политике. Во-первых, как подчеркивают Р. Кобб и Ч. Элдер, символы являются шаблонами, которые избавляют человека от необходимости поиска информации и принятия самостоятельного решения [Кобб, Элдер, 2009: 131].

Во-вторых, символ может быть охарактеризован как знак, который, будучи связываемым со сферой сакрального и вызывающий потому сильную эмоциональную реакцию, имеет особое значение для индивида [Kowalewski, 1980: 441—443]. Символ в концентрированном виде заключает в себе смыслы, занимающие важнейшие места в иерархии значений⁶.

В-третьих, символы предоставляют универсальные средства коммуникации и тем самым способствуют образованию общности. Как инструменты познания и общения, они делают возможным консенсус по поводу смысла социального мира, а «логическая» интеграция есть условие «моральной» интеграции [Бурдые, 2007: 91]. Достижение состояния коллективной идентичности как психологической сплоченности возможно лишь в едином символическом пространстве социума [Степнова, 1998: 92—93]. Говоря об интегративной функции социального символа, Э. Коэн отмечает: «Реальность сообщества в восприятии людей заключается в их принадлежности... к общему полю символов» [Cohen, 1985: 14].

Наконец, в-четвертых, символ, будучи условным знаком со множеством смыслов, по определению заключает в себе возможность для самых разнообразных интерпретаций. Как подчеркивает Коэн, «символы не столько выражают значения, сколько дают нам возможность значения производить» [ibid.: 15].

Следовательно, обладая такими чертами, как многозначность, эмоциональность, сакральность, простота восприятия, интегративный потенциал, символ становится эффективным инструментом навязывания определенной интерпретации социальной реальности и потому широко используется в символической политике.

«Родина-мать» в символической политике: определение проблемного поля

«Родина-мать», для которой также характерны отмеченные выше признаки символа, выполняет соответствующие им функции. Прежде всего это *когнитивная* функция; уподобление страны матери приближает вопросы политики

---

⁶ В связи с особой значимостью символов П. Бергер и Т. Лукман вводят понятие символического универсума как системы теоретической традиции, впитавшей различные области значений и включающей институциональный порядок во всей его символической целостности; апелляция к символическому универсуму выступает в качестве необходимого условия легитимации как способа «объяснения» и «оправдания» [Бергер, Лукман, 2001].

к повседневному опыту индивида, упрощая сложную проблему отношений гражданина и государства до понятных картин семейных отношений. Далее, это *интегративная* функция: символ Родины создает единое смысловое пространство; к тому же по своему значению он является символом природного, органичного, а потому вечного единства. *Мобилизационная* функция связана с сакральностью этого символа, которая обусловлена как особой эмоциональной нагруженностью образа матери, так и историей использования материнского символа в важнейшие моменты российской истории, особенно в период Великой Отечественной войны.

Теперь встает задача очертить проблемное поле исследования роли Родины-матери в символической политике, эскизно обозначив причины, формы, факторы, результаты использования образа различными политическими акторами.

Отметим, что в политике идентичности символ Родины активно использовался и в Российской империи, и в Советском Союзе. Для политики идентичности постсоветской России характерна острая конкуренция нескольких проектов, продвигающих собственное понимание макрополитической идентичности страны (концепции «многонационального российского народа», «российской политической нации», «русского мира», «евразийства», этнических национализмов, имперского национализма и др.), и материнский образ страны играет в них особую роль. В 1990-х гг. он в основном выступал символом идентичности, привлекаемым «народно-патриотической оппозицией», в то время как власти дистанцировались от него достаточно отчетливо [Рябов, 2007: 230—233]. В политике идентичности, проводимой в период президентства В. Путина, происходят изменения; одним из основных пунктов ее становится «призыв к тотальной консолидации» [Каспэ И., Каспэ С., 2006: 20], и среди символических стратегий власти значимую роль начинает играть поиск символов единства (например, учреждение новых праздников [Ефремова, 2014])⁷. О. Малинова справедливо заметила, что Путин, не будучи, в отличие от своего предшественника, связан принадлежностью к политико-идеологическим лагерям 1990-х гг., мог себе позволить использовать идеи и символы из репертуара «народно-патриотической оппозиции», казавшиеся абсолютно неприемлемыми «демократам» [Малинова, 2012]; важное место среди них принадлежит «Родине-матери».

Позиционирование России как матери, во-первых, предполагает постулирование органического характера связи граждан РФ и страны. Данный образ активно вовлекается в риторику различных акторов; к подобному сравнению неоднократно прибегают Путин, церковные деятели, региональные лидеры, руководители политических партий⁸. Во-вторых, Россия репрезентируется в роли

⁷ Даже медведь стараниями политтехнологов позиционируется в качестве древнего символа, объединяющего народы РФ [Рябов, 2009]; эти старания увенчались успехом, и, согласно данным уже упоминавшегося опроса 2015 г., 11 % респондентов ассоциируют Родину с медведем [Образ Родины... , 2015].

⁸ Необходимо отметить, что другими политическими акторами оспаривается правомерность подобного сравнения. В либеральном дискурсе постулируется, что уподобление отношений индивида и государства семейным отношениям несет опасность демократическим основам общества и защите гражданских прав россиян (напр.: [Покровский, 2010]). Сторонники русского этнического национализма полагают, что в современных условиях Россия — это, скорее, «Родина-дочь», которую мы призваны воспитывать, кормить, оберегать [Холмогоров, 2008].

родной матери для представителей всех этносов государства (что отмечают руководители национальных республик [Гамов, 2008]). Метафора родства, заключенная в сравнении страны с матерью, подразумевает естественную и потому неразрывную связь всех этносов РФ, тем самым превращаясь в символ российской нации в соответствии со «Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.». Важную роль исследуемый образ сыграл в присоединении Крыма к РФ; в легитимации этого события опять-таки используется идея органического характера связи полуострова с Россией-матерью [Рябов, 2014а].

Таким образом, «Родина-мать» выступает интегрирующим фактором для российской государственности. Однако следует принимать во внимание и дезинтегрирующий потенциал данного символа. В дискурсе этнического русского национализма Россия рассматривается как мать прежде всего или даже исключительно русских, в то время как этнические «чужие» — касается ли это представителей отдельных этносов РФ или мигрантов — репрезентируются как угроза Родине-матери. Кроме того, необходимо принимать во внимание еще один возможный дезинтегрирующий эффект. Использование материнской метафоры предполагает перенос на страну и такого атрибута материнского образа, как забота. Между тем, особенно в условиях ограниченности ресурсов, государство может обвиняться в невыполнении обязательств, действительных и вымышленных, и тогда Россия маркируется как мачеха; эта метафора становится частью арсенала символической политики сторонников сепаратизма [Рябов, 2007: 126].

Возвращаясь к вопросу о том, как материнский символ используется в создании российскости, обратим внимание на такой любопытный способ связи регионов, как привлечение образа Волги-матушки, который традиционно применяется в качестве субститута России-матушки [Рябов, 2015а]. Данный образ выступает как знак не только русскости, но и российскости, например в ходе обсуждения роли реки в истории страны на специальном заседании Изборского клуба — влиятельного экспертного органа, занимающего правоконсервативные, антизападные позиции. Приведем несколько показательных цитат из выступления главы клуба А. Проханова: «Думая о Волге, я испытываю почти религиозные переживания. Потому что Волга — своеобразная богиня, которая распростерла свои воды... над огромными пространствами, над целым континентом и собрала к своему водопою множество народов. <...> Волга, собрав эти народы — и тюрков, и славян, и православных, и мусульман, когда-то и язычников, — создала уникальную волжскую цивилизацию... <...> Нужно поставить задачу создания религии Волги» [Проханов, 2014].

Следует заметить, что и в других культурах материнский символ традиционно применяется в легитимации единства государства и создании макрополитической идентичности. Так, картина В. Бугро «Родина-мать» (1883) отражает представления о Франции как о матери и колониальных народах — как о ее детях [Бугро]. В таком же контексте материнский символ нередко используется в региональной политике, способствуя легитимации включения региона в политическое целое. Этот символ позволяет репрезентировать регионы в качестве детей Родины-матери; тем самым отношения между ними представлены

не столько как правовые, сколько как естественные, органические, а потому легитимные, во-первых, и прочные, во-вторых. Образ Родины-матери широко используется в политике ирредентизма; например, сегодня идеологи румынского национализма эксплуатируют его, пытаясь оправдать свое стремление присоединить Молдавию [Соловьев, 2004]⁹.

Другой аспект включения материнского символа в региональную политику связан с конструированием региональной идентичности. Так, в советское время в столицах союзных и автономных республик устанавливались статуи, которые олицетворяли эти регионы («Мать-Грузия», «Мать-Армения», женские аллегории Башкирии и Мордовии на памятниках, посвященных вхождению этих регионов в состав России) либо Советскую Родину, но имели при этом выраженную национальную специфику («Родина-мать» в Киеве, скульптурные изображения Родины с мемориала воинам Мордовии, павшим в годы Великой Отечественной войны, установленном в Саранске [Мемориал воинам Мордовии...; Монумент Дружбы (Уфа), 2015; Памятник «Навеки с Россией», 2014]). Благодаря этому национальные регионы выглядели как эманации Советской Родины-матери, как ее дочери, связанные родственными узами. С другой стороны, они выступали знаками региональной идентичности; образ матери включался в консолидацию собственного сообщества (что, кстати, в определенные моменты истории эксплуатировалось в центробежных тенденциях). В постсоветский период подобная визуальная политика возрождается в 2000-х, когда в Чувашии, Бурятии, Саха-Якутии, Югре устанавливаются статуи женщин, служащие аллегориями этих регионов (подробнее о монументах, изображающих женские аллегории регионов современной России, см.: [Докучаев, 2015]).

«Родина-мать» занимает важное место в военной политике: в мобилизации, пропаганде и практиках коммеморации. Материнский образ России является важным элементом репрезентаций войны в отечественной культуре. «Родина-мать» представлена в военном дискурсе как уязвимая, страдающая, взывающая о помощи, могущественная, непобедимая, сражающаяся; включение в военный дискурс женских аллегорий наций в таких значениях, заметим, распространено во многих культурах [Рябов, 2007]. Готовность к защите Родины указана в качестве одной из важнейших задач патриотического воспитания граждан РФ в принятой в 2015 г. Правительством программе [Патриотическое воспитание... , 2015]. Более значимыми сегодня являются практики коммеморации, связанные прежде всего с политикой памяти о Великой Отечественной войне. Символ Великой Победы выступает в качестве важного узлового момента современной российской идентичности; Н. Копосов даже высказал предположение о том, что миф о войне в постсоветской России выполняет функцию «мифа происхождения» [Korosov, 2014] как необходимого компонента формирования наций — в данном случае российской нации. Этот проект, в отличие от многих других, направленных на формирование постсоветской идентичности,

---

⁹ Аналогичную функцию выполняет, по-видимому, образ Матери-Латвии с почтовой марки 1920 г. Латышский график Р. Зариньш нарисовал ее вместе с тремя «дочерьми»: Видземе, Курземе и Латгалией, пытаясь тем самым легитимировать границы молодого государства, подчеркнув их «естественность» [Postal history of Latvia, 2015].

оказывается успешным, поскольку связан действительно с народной памятью, коллективным опытом страдания и победы. Как в пропаганде периода Великой Отечественной войны, так и в политике памяти о ней в послевоенную эпоху образ Родины-матери занимал очень важное место. Неудивительно, что, по данным опроса, проведенного ВЦИОМ в 2010 г., 69 % россиян назвали монумент «Родина-мать зовет!» главным символом борьбы советского народа с фашизмом [Почти 70 % россиян... , 2010]. Следует также принимать во внимание, что на многих воинских мемориалах, установленных в советское время, центральное место занимают образы Родины (или скорбящей матери, символизирующей ее); тем самым сегодня они выступают средством постоянной актуализации исследуемого образа и, помимо этого, ассоциирования его именно с войной. Кроме того, образ матери, потерявшей сына, активно используется в мемориалах, посвященных погибшим в войне в Афганистане и локальных конфликтах постсоветского периода. Продолжаются апелляции к материнскому образу страны и в сегодняшней риторике о войне, например в связи с празднованием 70-летия Великой Победы (о роли материнских образов в коммеморационных практиках современной России подробнее см.: [Тимофеев, 2015]).

Во внешнеполитической риторике традиционно эксплуатируется материнский образ России, скажем в репрезентациях политики страны в отношении славянских народов в XIX — начале XX в. Использование материнской метафоры позволяет представить российскую политику в отношении этих народов как основанную на покровительстве и бескорыстной заботе, что накладывает на Россию особые обязательства и вместе с тем дает ей особые права. Сегодня этот образ используется прежде всего в отношениях с «русским миром», что было особенно заметно во время украинского кризиса [Рябов, 2014а]. Таким образом, материнская метафора России выступает элементом ее «мягкой силы»¹⁰.

«Русская весна» 2014 г. продемонстрировала также возможности использования исследуемого символа в политической мобилизации, т. е. в процессе включения индивидов в политику, институты участия, представительства и действия. Политическая мобилизация осуществляется при помощи различных ресурсов (материальных, административных и др.), в числе которых и культурный. Мобилизационный потенциал символа Родины определяется прежде всего тем, что он позволяет перенести события политической жизни в привычный и значимый для индивида контекст семейных отношений. Свидетельствовать об этом может, например, использование образа Родины с плаката Гоидзе в 1990-х гг. в мобилизации электората «народно-патриотической оппозиции», в 2000—2010-х — сторонников коммунистов, националистов, «антимайдана», А. Навального, «Единой России» и других политических движений и организаций¹¹.

Еще одно направление символической политики, в котором исследуемый образ занимает заметное место, — легитимация власти, которая представляет

¹⁰ Я разделяю понимание «мягкой силы» как «совокупности гуманитарных ресурсов страны, которые можно реализовать при помощи набора определенных технологий» [Леонова, 2015: 88].

¹¹ Подробнее о роли «Родины-матери» в политической мобилизации см. в статье Т. Б. Рябовой в этом номере журнала.

собой процесс признания или подтверждения права политической власти на принятие и реализацию политических решений и действий [Скиперских, 2007]; при этом большое значение для процесса легитимации имеют символические формы [Кузнецова, 2003]. Власть позиционирует себя в качестве защитницы Родины-матери от внешнего врага; политическая же оппозиция нередко объявляется внутренним врагом, предателями или ее «неверными детьми». В данном случае акцентируется такая черта материнского образа, как уязвимость. Делегитимация власти при помощи материнского символа осуществляется в двух модусах: «популистском» и «либеральном». Представители левых, популистских и националистических сил используют образ Родины, страдающей от несправедливой, тиранической власти, — образ, который восходит к полемике князя Курбского с Иваном Грозным. Другой модус делегитимации характерен для политических акторов либеральной ориентации, которые стремятся деконструировать образ Родины-матери и обвиняют власти в манипуляциях массовым сознанием при помощи материнского образа (см. подробнее: [Рябов, 2015b]).

Такая форма интерпретации социальной реальности, как гендерная и демографическая политика, также предусматривает активное использование материнского символа России. Очевидно, представление о сакральности Родины-матери едва ли получило бы распространение без представления о сакральности самого материнства, поэтому этот символ неразрывно связан с идеей о том, что семья, материнство — основное предназначение женщины. Так, обращает на себя внимание характеристика феминизма как «очень опасного явления», данная патриархом Кириллом: феминистические организации, по его словам, провозглашают псевдосвободу женщин, которая в первую очередь проявляется вне брака и вне семьи. Если же, полагает патриарх, «разрушается чрезвычайно важная функция женщины в семье, то вслед за этим разрушается все — и семья, и в широком смысле — родина. Недаром мы говорим *Родина-мать*» [Слово Святейшего Патриарха Кирилла... , 2013]. Как видим, важнейший национальный символ используется для легитимации гендерного порядка: удостоверяя ценность материнства, он дискредитирует идею отказа от него¹².

Исследуемый символ привлекается в образовательную политику, будучи включенным в дошкольное воспитание и в школьные программы. Он рассматривается в качестве необходимого элемента знаний об отечественной культуре и истории, важного компонента социализации молодых граждан РФ, их гражданского и патриотического воспитания. Его использование прежде всего связано с воспитательными и образовательными практиками, посвященными Великой Отечественной войне; примером могут служить ежегодно проводимые конкурсы детских рисунков, на которых символ Родины представлен широко (см. подробнее: [«Родина-мать» в рисунках детей, 2015]).

Наконец, еще одним важным аспектом исследования проблемы является изучение результатов символической политики, предполагающее поиск ответов на ряд вопросов: насколько эффективен тот или иной способ использования «Родины-матери» для интерпретации социальной реальности; как граждане

¹² Об отношении к феминизму в контексте политики национальной идентичности см.: [Цалко, Рябова, 2010; Рябова, Романова, 2012; Riabov, Riabova, 2014].

РФ (в зависимости от их политических убеждений, пола, возраста, этноконфессиональной принадлежности, региона и др.) оценивают деятельность политических акторов, связанную с обращением к данному символу; с какой политической силой его в наибольшей степени ассоциируют; в какой степени усилия по легитимации власти, ее внутренней и внешней политики при помощи этого символа выглядят убедительными и в целом — насколько они сами ассоциируют Россию с матерью (о результатах социологического исследования, посвященного проблеме эффективности использования символа «Родина-мать», см.: [Мутаев, 2015]).

Я постарался очертить контуры проблемного поля, выделив важнейшие аспекты вопроса об использовании образа Родины-матери в символической политике постсоветской России. Проблема многоаспектна и связана с самыми различными сферами политики. Образ включается в практики политической мобилизации, в легитимацию и делегитимацию власти, в политический брендинг различных политических акторов, в демографическую, образовательную политику и др. «Родина-мать» является частью коммеморативных практик и элементом политики идентичности в современной России, прежде всего в формировании национальной, общероссийской, идентичности. Символ используется и в российском внешнеполитическом дискурсе (в первую очередь в репрезентациях событий на постсоветском пространстве и в антизападной риторике). Многозначность данного символа, его эмоциональная сила, а также многовековая традиция его вовлечения в отечественную политическую культуру делают его значимым культурно-семиотическим ресурсом властных отношений; различные политические акторы борются за выгодную для себя интерпретацию социальной реальности при помощи «Родины-матери», конкурируя за право говорить от ее имени. С этой точки зрения изучение данного символа представляется весьма перспективным для исследования символической политики в целом. В современных условиях, как справедливо отмечают многие авторы, роль культурно-символического ресурса властных отношений возрастает (напр.: [Сукало, 2014: 6]). Эффективность различных форм политики теперь во многом определяется успешностью тех интерпретационных усилий, которые их сопровождают. Однако не следует забывать о том, что, по оценке самого Бурдые, успех предлагаемого в процессе символического насилия взгляда зависит прежде всего от степени, в которой этот взгляд основан на реальности... [Бурдые, 1994: 204].

Библиографический список

- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М., 1995. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/berger_reality_social_construction/default.aspx (дата обращения: 20.10.2015).
- Бурро В.* «Родина-мать». URL: [http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/thumb/c/cb/William-Adolphe_Bouguereau_\(1825-1905\)_-_The_Motherland_\(1883\).jpg/220px-William-Adolphe_Bouguereau_\(1825-1905\)_-_The_Motherland_\(1883\).jpg](http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/thumb/c/cb/William-Adolphe_Bouguereau_(1825-1905)_-_The_Motherland_(1883).jpg/220px-William-Adolphe_Bouguereau_(1825-1905)_-_The_Motherland_(1883).jpg) (дата обращения: 20.10.2015).
- Бурдые П.* Начала. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.

- Бурдые П.* О символической власти // Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 87—96.
- Гамов А.* Рамзан Кадыров: «Россия — это матушка родная» // Комсомольская правда. 2008. 24 сентября. URL: <http://www.kp.ru/daily/24169/380743/> (дата обращения: 20.10.2015).
- Докучаев Д. С.* «Дочки-матери»: женские аллегории этнорегионов России в постсоветской монументальной риторике // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. С. 101—118.
- Ефремова В. Н.* Государственные праздники как инструменты символической политики в современной России: дис. ... канд. полит. наук. М., 2014. 205 с.
- Ишменев Е. В.* Опыт изучения концепта «символической политики»: основные традиции и перспективы // Социум и власть. 2011. № 2. С. 37—41.
- Капицын В. М.* Семиотические ресурсы и политическая культура // Научный результат: сетевой научный журнал Белгородского государственного университета. Сер.: Социальные и гуманитарные исследования. 2014. № 1. С. 33—46.
- Каспэ И., Каспэ С.* Поле битвы — страна. Nation-building и наши нэйшнбилдеры // Неприкосновенный запас. 2006. № 6. С. 15—32.
- Кобб Р., Элдер Ч.* Использование символов в политике // Политическая лингвистика. 2009. № 3. С. 131—145.
- Кузнецова С. В.* Правовые и символические аспекты легитимации политической власти в России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2003. 22 с.
- Леонова О.* Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке // Обозреватель = Observer. 2015. № 2. С. 80—89.
- Малинова О. Ю.* Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза. 2010. № 1. С. 5—28.
- Малинова О. Ю.* Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // Политическая экспертиза. 2012. Т. 8, № 4. С. 179—204.
- Малинова О. Ю.* Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России. М.: ИНИОН РАН, 2013. 421 с.
- Мемориал воинам Мордовии, павшим в годы Великой Отечественной войны («Мать Мордовия»). Н. Томский. Саранск, 1970. URL: http://pomnite-nas.ru/img/13/201009101903100.DSC_0324.jpg (дата обращения: 20.10.2015).
- Монумент Дружбы (Уфа). 2015. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Монумент_Дружбы_\(Уфа\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Монумент_Дружбы_(Уфа)) (дата обращения: 20.10.2015).
- Мутаев У. К.* Символ Родины-матери глазами жителей Дагестана: (на материале интервью) // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. С. 154—167.
- Образ Родины — в натуре / РОМИР. 29.09.2015. URL: http://romir.ru/studies/709_1442955600/ (дата обращения: 20.10.2015).
- Памятник «Навеки с Россией». 2014. URL: <http://www.gidrm.ru/navekisrossia/> (дата обращения: 20.10.2015).
- Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации: программа на 2016—2020 гг. // Сайт Министерства образования и науки РФ. 03.04.2015. URL: <http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/%D1%81/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/5371> (дата обращения: 20.10.2015).
- Покровский А.* Зачем Отечество назвали Родиной-матерью? // Новая газета. 2010. 25 апреля. URL: <http://www.novayagazeta.ru/society/3806.html> (дата обращения: 20.10.2015).

- Поцелуев С. П.* Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Политические исследования. 1999. № 5. С. 62—75.
- Поцелуев С. П.* «Символическая политика»: к истории концепта // Символическая политика: сборник научных трудов / под ред. О. Ю. Малиновой. М., 2012. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. С. 17—53.
- Почти 70 % россиян считают скульптуру «Родина-мать зовёт!» главным символом борьбы с фашизмом // НТА-Приволжье. 14.04.2010. URL: <http://www.nta-np.ru/news/item/?ID=169705> (дата обращения: 20.10.2015).
- Проханов А.* Волга — река русского времени // Завтра. 2014. 19 июня.
- «Родина-мать» в рисунках детей // «Родина-мать» в российской культуре. 2015. URL: https://vk.com/album-93433867_217435073 (дата обращения: 20.10.2015).
- Рябов О. В.* «Россия-Матушка»: национализм, гендер и война в России XX века. Stuttgart; Hannover: Ibidem, 2007. 290 с.
- Рябов О. В.* Охота на медведя: о роли символов в политической борьбе // Неприкосновенный запас. 2009. № 1. С. 195—211.
- Рябов О. В.* Мать и мачеха: материнский символ России в легитимации присоединения Крыма к Российской Федерации // Женщина в российском обществе. 2014а. № 4. С. 40—50.
- Рябов О. В.* «Родина-Мать» в истории визуальной культуры России // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2014б. № 1. С. 90—113.
- Рябов О. В.* «Отстоим Волгу-матушку!»: материнский символ реки в дискурсе Сталинградской битвы // Женщина в российском обществе. 2015а. № 2. С. 11—27.
- Рябов О. В.* «Родина-мать» в символической политике периода «Болотной революции»: легитимация и делегитимация власти // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2015б. № 4. С. 81—100.
- Рябова Т. Б.* Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. 246 с.
- Рябова Т. Б., Романова А. А.* Гендерное измерение российского антиамериканизма: (к постановке проблемы) // Женщина в российском обществе. 2012. № 3. С. 21—35.
- Рябова Т. Б., Романова А. А.* «Родина-мать» как культурно-семиотический ресурс современного российского антиамериканизма // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. С. 168—183.
- Скиперских А. В.* Механизмы легитимации политической власти на постсоветском пространстве: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Воронеж, 2007. 46 с.
- Слово Святейшего Патриарха Кирилла на встрече с делегацией Всеукраинской общественной организации «Союз православных женщин». 09.04.2013. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2899463.html> (дата обращения: 20.10.2015).
- Смирнов Д. Г.* К вопросу о ресемиотизации как форме символической политики: («Родина-мать» в политических практиках современной России) // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. С. 119—138.
- Соловьёв С.* Румыния-мать зовёт: боевик Илие Илашку ждёт освобождения соратников // Коммерсант. 2004. 14 июля (№ 126). URL: <http://www.kommersant.ru/doc/489814> (дата обращения: 20.10.2015).
- Степнова Л. А.* Социальная символика России // Социологические исследования. 1998. № 7. С. 90—100.
- Сукало С. А.* Символическая политика как технология культурного контроля массового сознания // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 3. С. 6—9.
- Тимофеев М. Ю.* Помни о Родине-матери! Конкурирующие места памяти // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. С. 53—80.

- Фенько А. Родина-мать имени Путина — Сахарова // Коммерсант. 2002. 19 марта. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/314556> (дата обращения: 20.10.2015).
- Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47—62.
- Холмогоров Е. Родина-дочь // Русский обозреватель. 2008. 19 декабря. URL: <http://www.rus-obr.ru/ru-web/1482> (дата обращения: 20.10.2015).
- Цалко Е. О., Рябова Т. Б. Русскость и европейскость сквозь призму гендерных идентификаторов // Женщина в российском обществе. 2010. № 2. С. 57—65.
- Vjola C. The Impact of «Symbolic Politics» on Foreign Policy during the Democratization Process: Paper Presented at the Kokkalis Graduate Student Workshop on Southern and Eastern Europe, Harvard University. Cambridge, 2000.
- Bourdieu P. Masculine Domination. Stanford (CA): Stanford University Press, 2001. 133 p.
- Carrara S. A geopolítica simbólica da sífilis: um ensaio de antropologia histórica // História Ciências Saúde-Manguinhos. 1996. Vol. 3, № 3. P. 391—408.
- Cohen A. The Symbolic Construction of Community. London: Routledge, 1985. 128 p.
- Cold War Social Science: Knowledge Production, Liberal Democracy, and Human Nature / ed. by M. Solovey, H. Cravens. New York: Palgrave Macmillan, 2012. 288 p.
- Edelman M. The Symbolic Uses of Politics. Urbana: University of Illinois Press, 1964. 201 p.
- Edelman M. Politics as Symbolic Action. Chicago: Markham Publishing Company, 1971. 188 p.
- Iedema R. Multimodality, resemiotization: extending the analysis of discourse as multi-semiotic practice // Visual Communication. 2003. № 2. P. 29—58.
- Koposov N. Back to Yalta? Stephen Cohen and the Ukrainian crisis // Eurozine. 2014. September, 5. URL: <http://www.eurozine.com/articles/2014-09-05-koposov-en.html> (дата обращения: 20.10.2015).
- Kowalewski D. The protest uses of symbolic politics in the USSR // The Journal of Politics. Vol. 42, № 2 (May, 1980). P. 439—460.
- Moxey K. Visual studies and the iconic turn // Journal of Visual Culture. 2008. Vol. 2, № 7. P. 131—146.
- Postal history of Latvia. 2015. URL: <http://latvia.jkaptein.nl/independence03.html> (дата обращения: 20.10.2015).
- Riabov O., Riabova T. Remasculinization of Russia? Gender, nationalism and legitimation of power under Vladimir Putin // Problems of Post-Communism. 2014. Vol. 61, № 2. P. 23—35.

References

- Berger, P., Lukman, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniia* [The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge], available from http://www.i-u.ru/biblio/archive/berger_reality_social_construction/default.aspx (accessed 20.10.2015).
- Vjola, C. (2000) *The Impact of “Symbolic Politics” on Foreign Policy during the Democratization Process*: Paper presented at the Kokkalis Graduate Student Workshop on Southern and Eastern Europe, Harvard University, Cambridge.
- Bourdieu, P. (1994) *Nachala* [The origins], Moscow: Sotsio-Logos.
- Bourdieu, P. (2001) *Masculine Domination*, Stanford: Stanford University Press.
- Bourdieu, P. (2007) O simvolicheskoi vlasti [On symbolic power], in: Bourdieu, P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva*, Moscow: Institut experimental'noi sotsiologii, St. Petersburg: Aleteia, pp. 87—96.
- Carrara, S. (1996) A geopolítica simbólica da sífilis: um ensaio de antropologia histórica, *História Ciências Saúde-Manguinhos*, vol. 3, no. 3, pp. 391—408.

- Cohen, A. (1985) *The Symbolic Construction of Community*, London: Routledge.
- Dokuchaev, D. S. (2015) “Dochki-materi”: zhenskie allegorii étnoregionov Rossii v postsovetsoĭ monumental’noĭ ritorike [“Daughters and mothers”: the female allegories of ethnic regions of Russia in the post-Soviet monumental rhetoric], *Labirint*, no. 4, pp. 101—118.
- Edelman, M. (1964) *The symbolic uses of politics*, Urbana: University of Illinois Press.
- Edelman, M. (1971) *Politics as symbolic action*, Chicago: Markham Publishing Company.
- Efremova, V. N. (2014) *Gosudarstvennye prazdniki kak instrumenty simvolicheskoi politiki v sovremennoi Rossii*: Dis. ... kand. polit. nauk [Federal holidays as a tool of symbolic politics in contemporary Russia: Diss. (Cand. Sc.)], Moscow.
- Iedema, R. (2003) Multimodality, resemiotization: extending the analysis of discourse as multi-semiotic practice, *Visual Communication*, no. 2, pp. 29—58.
- Ishmenev, E. V. (2011) Opyt izucheniia kontsepta “simvolicheskoi politiki”: osnovnye traditsii i perspektivy [Researching the concept “symbolic politics”: main traditions and perspectives], *Sotsium i vlast’*, no. 2, pp. 37—41.
- Kapitsin, V. M. (2014) Semioticheskie resursy i politicheskaiia kul’tura [Semiotic resources and political culture], *Nauchnyiĭ resul’tat: Setevoiĭ nauchnyiĭ zhurnal Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, seriia Sotsial’nye i gumanitarnye issledovaniia*, no. 1, pp. 33—46.
- Kaspè, I., Kaspè, S. (2006) Pole bitvy — strana. Nation-building i nashi nëishnbildery [Buttlefield is a country: Nation-building and our nation builders], *Neprikosnovennyĭ zapas*, no. 6, pp. 15—32.
- Kobb, R., Elder, Ch. (2009) Ispol’zovanie simvolov v politike [The political uses of symbolism], *Politicheskaiia lingvistika*, no. 3, pp. 131—145.
- Koposov, N. (2014) Back to Yalta? Stephen Cohen and the Ukrainian crisis, *Eurozine*, September 5, available from <http://www.eurozine.com/articles/2014-09-05-koposoven.html> (accessed 20.10.2015).
- Kowalewski, D. (1980) The Protest Uses of Symbolic Politics in the USSR, *The Journal of Politics*, vol. 42, no. 2 (May), pp. 439—460.
- Kuznetsova, S. V. (2003) *Pravovye i simvolicheskie aspekty legitimatsii politicheskoi vlasti v Rossii*: Avtoref. dis. ... kand. polit. nauk [Legitimizing political power in Russia: juridical and symbolic aspects: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Saratov.
- Leonova, O. (2015) Interpretatsiia poniatiia “miagkaia sila” v nauke [Interpreting the concept “soft power” in humanities], *Obozrevatel’ = Observer*, no. 2, pp. 80—89.
- Malinova, O. Yu. (2010) Konstruirovaniie makropoliticheskoiĭ identichnosti v postsovetsoĭ Rossii: simvolicheskaiia politika v transformiruiushcheĭsia publichnoiĭ sfere [Constructing macropolitical identity in the Post-Soviet Russia: symbolic politics in public space during transformation], *Politicheskaiia èkspertiza*, no. 1, pp. 5—28.
- Malinova, O. Yu. (2012) Politicheskoe ispol’zovanie proshlogo kak instrument simvolicheskoiĭ politiki: evoliutsiia diskursa vlastvuiushcheĭ èlity v postsovetsoĭ Rossii [Political use of the past as a tool of symbolic politics: evolution of power elite discourse in the Post-Soviet Russia], *Politicheskaiia èkspertiza*, vol. 8, no. 4, pp. 179—204.
- Malinova, O. Yu. (2013) *Konstruirovaniie smyslov: Issledovaniie simvolicheskoiĭ politiki v sovremennoiĭ Rossii* [Constructing senses: Researching the symbolic politics in contemporary Russia], Moscow: INION RAN.
- Moxey, K. (2008) Visual studies and the iconic turn, *Journal of Visual Culture*, vol. 2, no. 7, pp. 131—146.
- Mutaev, U. K. (2015) Simvol Rodiny-materi glazami zhiteleiĭ Dagestana: (Na materiale interv’iu) [The symbol of the Motherland in the eyes of the inhabitants of Dagestan: (On the materials of interview)], *Labirint*, no. 4, pp. 154—167.

- Potseluev, S. P. (1999) Symvolicheskaiia politika: konstelliatsiia poniatiī dlia podkhoda k probleme [The symbolic politics: the constellation of the concept for defining the methodological approach], *Politicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 62—75.
- Potseluev, S. P. (2012) “Symvolicheskaiia politika”: k istorii kontsepta [“Symbolic politics”: to the history of the concept], in: Malinova, O. Yu. (ed.) *Symvolicheskaiia politika*, vypusk 1: Konstruirovaniie predstavleniī o proshlom kak vlastnyī resurs, Moscow, pp. 17—53.
- Riabov, O. V. (2007) “Rossiia-Matushka”: natsionalizm, gender i voīna v Rossii XX veka [“Mother Russia”: nationalism, gender, and war in Russia of XX century], Stuttgart, Hannover: Ibidem.
- Riabov, O. V. (2009) Okhota na medvedia: o roli simvolov v politicheskoi bor’be [Bear hunting: on the role of symbols in political struggle], *Neprikosnovennyī zapas*, no. 1, pp. 195—211.
- Riabov, O. V. (2014a) Mat’ i machekha: materinskiī simvol Rossii v legitimatsii prisoedineniia Kryma k Rossiiskoi Federatsii [The mother and the step-mother: the maternal symbol of Russia in legitimation of Crimea joining the Russian Federation], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 40—50.
- Riabov, O. V. (2014b) “Rodina-mat’” v istorii vizual’noi kul’tury Rossii [The “Motherland” in the Russian visual culture], *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia Istorii, no. 1, pp. 90—113.
- Riabov, O. V. (2015a) “Otstoim Volgu-matushku!”: materinskiī simvol reki v diskurse Stalingradskoi bitvy [“Let us defend Mother Volga!”: the maternal symbol of the river in the discourse of the Stalingrad battle], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 11—27.
- Riabov, O. V. (2015b) “Rodina-mat’” v simvolicheskoi politike perioda “Bolotnoi revoliutsii”: legitimatsiia i delegitimatsiia vlasti [The “Motherland” in the symbolic politics of the “Snow Revolution” in Russia (2011—2013): legitimizing and delegitimizing power], *Labirint*, no. 4, pp. 81—100.
- Riabov, O., Riabova, T. (2014) Remasculinization of Russia? Gender, nationalism and legitimation of power under Vladimir Putin, *Problems of Post-Communism*, vol. 61, no. 2, pp. 23—35.
- Riabova, T. B. (2008) *Pol vlasti: gendernye stereotipy v sovremennoi rossiiskoi politike* [Gender of power: gender stereotypes in contemporary Russian politics], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Riabova, T. B., Romanova, A. A. (2012) Gendernoe izmerenie rossiiskogo antiamerikanisma [Russian anti-Americanism: gender dimension], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 21—35.
- Riabova, T. B., Romanova, A. A. (2015) “Rodina-mat’” kak kul’turno-semioticheskiī resurs sovremennogo rossiiskogo antiamerikanizma [The ‘Motherland’ as cultural and semi-otic resource in the contemporary Russian anti-Americanism], *Labirint*, no. 4, pp. 168—183.
- “Rodina-mat’” v risunkakh detei (2015) [“Motherland” in the children’s drawing], “Rodina-mat’” v rossiiskoi cul’ture, available from https://vk.com/album-93433867_217435073 (accessed 20.10.2015).
- Skiperskikh, A. V. (2007) *Mekhanizmy legitimatsii politicheskoi vlasti na postsovetskom prostranstve: Avtoref. dis. ... d-ra polit. nauk* [Ways of legitimising political power on post-Soviet space: Synopsis of a thesis (Dr. Sc.)], Voronezh.
- Smirnov, D. G. (2015) K voprosu o resemiotizatsii kak forme simvolicheskoi politiki: (“Rodina-mat’” v politicheskikh praktikakh sovremennoi Rossii) [Re-semiotization as a form of the symbolic politics: (The “Motherland” in political practices in contemporary Russia)], *Labirint*, no. 4, pp. 119—138.

-
- Solovei, M., Cravens, H. (eds) (2012) *Cold War Social Science: Knowledge Production, Liberal Democracy, and Human Nature*, New York: Palgrave Macmillan.
- Stepnova, L. A. (1998) Sotsial'naia simbolika Rossii [Social symbols of Russia], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 7, pp. 90—100.
- Sukalo, S. A. (2014) Simvolicheskaiia politika kak tekhnologiia kul'turnogo kontroliia massovogo soznaniia [Symbolic politics as a technology of cultural control on mass consciousness], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, no. 3, pp. 6—9.
- Timofeev, M. Yu. (2015) Pomni o Rodine-materi! Konkuriruiushchie mesta pamiati [Remember the Motherland! The competing memory spaces], *Labirint*, no. 4, pp. 53—80.
- Tsalko, E. O., Riabova, T. B. (2010) Russkost' i evropeiskost' skvoz' prizmu gendernykh identifikatorov [Russianness and Europeanness through the prism of gender identity markers], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 57—65.